

ПАРАДИГМЫ НАУКИ О КНИГЕ ДВЕСТИ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД И СЕГОДНЯ

KRZYSZTOF MIGOŃ

Uniwersytet Wrocławski
Instytut Informacji Naukowej i Bibliotekoznawstwa
Pl. Uniwersytecki 9/13, 50-137 Wrocław, Poland
E-mail: krzysztof.migon@ibi.uni.wroc.pl

В статье рассматривается понятие «исследовательская парадигма» как модель используемых, предлагаемых или желательных способов исследования, своего рода «дух и совесть» книговедения на протяжении 200 лет его истории. Сначала в книговедении появилось историческое направление, немного позже – параллельно – филологическая парадигма. Одновременно исследование книги, которая принадлежит к общественным явлениям, требует категорий социологических, а также психологических и педагогических. Из этих направлений складывается современная функциональная концепция книговедения. Благодаря развитию информационно – коммуникационных наук появились информационные и коммуникационные модели науки о книге. Сегодня книговедение, используя новейшую концептуальную парадигму «книжная культура», демонстрирует высокий и качественный уровень, наряду с другими науками представляя новые знания и преумножая их.

Ключевые слова: исследовательская парадигма, изучение книжного мира, история книговедения.

Цель этой статьи – рассмотрение важнейших черт книговедения как науки в исторической перспективе. Иными словами, предпринимается экскурс в историю дисциплины, её становление и развитие до современности. Разумеется, дело не в детальном представлении истории книговедения в целом и в отдельных странах мира, с соответствующей полной документацией, источниками, библиографией, аргументацией. Основная задача – представить не-

которые общие тенденции в становлении и развитии книговедения в европейском, а за последние годы также и в мировом, масштабе.

Центральной для моих наблюдений и обобщений является категория «исследовательской парадигмы», полезная в описании данной (и каждой) научной дисциплины, потому что она позволяет уловить смысл науки, её специфику в кругу других наук, основные, присущие данной науке,

способы подхода к объекту исследования и применения методов.

Термин «парадигма», который раньше использовался преимущественно в лингвистике (в грамматике – это «любой класс лингвистических единиц» и (или) «совокупность языковых единиц», а также «модель и схема организации такого класса или совокупности») [8, 366], в современном науковедении понимается как модель, образец используемых, предлагаемых или желательных способов исследования, своего рода «дух и совесть» научной дисциплины.

Конкретная парадигма возникает в ходе развития отдельной науки, совершенствуется, определяет рамки исследований, потом меняется, превращается в новые парадигмы, уступает им место или полностью исчезает. В историческом процессе развития научной дисциплины самое важное значение имеют господствующие парадигмы, т.е. доминирующие в определённой среде в данный период. Они непосредственно влияют на объём и содержание исследований, их характер, точку зрения, итоги, признание другими науками.

Надеюсь, не ошибёмся, если парадигму обозначим как принципиальный подход к объекту и предмету исследований, основные теоретико-методологические правила, что составляет своего рода позвоночный столб дисциплины. Парадигма – это обобщающая теоретическая концепция, которая объединяет частные, детальные исследовательские вопросы и задачи, которая

определяет главное направление дисциплины и моделирует её картину.

В международной литературе по книговедению общепринятым является положение, что в конце 18 – начале 19 века в нескольких странах Европы наступило зарождение новой научной дисциплины, предметом которой стали объекты, связанные с книгой: книга как таковая, как продукт материальной и духовной культуры человечества, вопросы её производства, книжных собраний, описания книг и др. Ориентировочным исходным пунктом, началом зарождения книговедения как науки считается энциклопедическое издание Габриэля Пенью (*Gabriel Peignot Dictionnaire raisonné de bibliologie* (Paris, 1802–1804, т. 1–2 + suppl.) [17; 18; 26]. Некоторые авторы появление науки о книге относят к 18 веку и даже к предыдущим столетиям [23; 31].

Путь науки о книге за последние два столетия наглядно указывает на тесную связь книговедения с общими направлениями развития гуманитарных и социальных наук, применение их фундаментальных положений, понятий и методов и – одновременно – поступательное самоопределение этой науки как своеобразной автономной отрасли знаний, разрабатывающей собственные исследовательские задачи в связи с совершенствованием инструментов научной работы (проблемы, источники, методы, достоверность разысканий и обобщений).

История книговедения показывает также основные этапы его развития от простого (что не обозначает ни лёгкого, ни

неважного) описания книг и их регистрации (начальная библиографическая фаза) до зрелых исследований книжного мира, основанных на глубоко продуманных концепциях и парадигмах.

В литературе по истории книговедения находим разные попытки периодизации становления науки о книге. Поль Отле (Paul Otlet) пишет о двух фазах истории библиологической науки: первая – строго описательная – библиография, вторая – со стремлением к теоретизации – библиология [25, 39]. Учитывая разные этапы развития и совершенствования средств письменной коммуникации, П. Отле и его интерпретаторы детально перечисляют многие другие фазы истории науки о книге [11, 31; 12, 4–15; 13, 278–279; 22; 30, 125–134]. В восточной части Европы интересный подход к периодизации истории книговедения, до сих пор не лишенный ценности, представил в начале 1920-х гг. украинско-польский библиотекарь и книговед Лев Быковский (Leon Bykowski), который узловыми этапами развития науки о книге считает следующие:

- библиографический,
- библиотечковедческий,
- книговедческий, когда наука о книге достигла определённой степени зрелости [6, 257–252; 7; 20].

Такая периодизация (точнее – «этапизация») развития науки о книге подтверждается в нескольких работах по истории книговедения [6, 259; 10; 23]. Уверен, что такое обобщение, основанное на исторических фактах, является правильным. Но

одновременно оно не может выявить других специфических признаков развития книговедения.

Положения, выдвинутые позже, не противоречат классификации Быковского. Они показывают как бы другую сторону дела: доминирующие в книговедении тенденции, направления, парадигмы независимо от того, в рамках какой научной дисциплины и под каким названием проходило исследование книги.

Если сегодня наука о книге имеет в своём распоряжении большой фактический материал, опираясь на который можно ответить на ряд вопросов касающихся человека, общества и социальных процессов – и ответы эти невозможны в рамках других научных дисциплин – это стало возможным только благодаря тому, что наука о книге прошла в своём развитии и совершенствовании несколько ключевых фаз. Все они в разной, разумеется, мере подготовили актуальный статус и исследовательский потенциал этой дисциплины. С одной стороны, в конце 18 – начале 19 века начинается процесс постепенного становления книговедения, которое вырастает из библиографии как её углубление, расширение и уточнение, но, с другой стороны, оно родилось как вспомогательная историческая наука, в центре которой стояли главным образом исторические вопросы: история книгопечатания, история библиотек и книжных собраний, с течением времени и общая история феномена «книги».

Исходя из вышесказанного, следует, что с точки зрения хронологии, в книго-

ведении в первую очередь появилось историческое направление. Двести лет тому назад наука о книге родилась как наука историческая. Суть такого понимания содержания и задач знаний о книге в нашей части Европы представляет собой *opus magnum* Иоахима Лелевеля (Joachim Lelewel) *Bibliograficznych ksiąg dwoje* (Wilno 1823–1826, т. 1–2) [19]. Книга и её среда, книжное дело в целом – явление историческое, чем объясняется значимость исторической парадигмы (перспективы) в книговедении. И в настоящее время историческое книговедение, вместе со многими специализированными частными дисциплинами (такими, как история письма, кодикология, инкунабулистика, история чтения), является наиболее развитой и познавательно привлекательной составной частью книговедения. По своей сути и потенциалу(!) наука о книге осталась наукой исторической, хотя дисциплина в целом вышла далеко за рамки вспомогательной науки, поставившей материалы для историографии. Сегодня она ставит перед собой более широкие задачи (как история книги и книжного дела в целом, во многом отличающиеся друг от друга *historische Buchkunde*, *bibliologie historique*, *historical bibliography* и др.) [21; 27; 28].

Вслед за исторической парадигмой в книговедении появилась филологическая парадигма. Центром внимания стал текст книги, её письмо и язык. Значимость филологического направления вытекает из очевидного факта, что именно в книгах закреплён язык и словесность, и

что библиологические процессы (создание, циркуляция, восприятие книг) сосуществуют с языковыми и литературными. Филологический подход к книге позволил обратить внимание на важные для филологических наук свойства книги и книжного репертуара, участвовать в исследованиях, касающихся рождения литературных произведений как книг, их судеб, читательского восприятия. Книговедение стало желанным партнёром литературоведения и даже неоднократно с ним отождествлялось.

Позволим себе краткое примечание. О «состоянии духа» в этом отношении сто лет тому назад свидетельствует показательный факт: в основанном Александром Ловягиным в 1899 г. Русском библиологическом обществе преобладала историко-литературная тематика занятий, и только во время президентства Александра Фомина (с 1919 г.) в Обществе наступило своеобразное равновесие, и предпочтение даже стало отдаваться книговедческой тематике [3; 9].

Многие исследователи книги и литературы в целом и сегодня понимают науку о книге прежде всего как (своего рода) вспомогательную литературоведческую дисциплину, главной задачей которой является библиографирование изданий и исследование памятников литературы как рукописных или печатных книг. Такой подход характерен особенно для англо-американской школы книговедения [16].

Книга несомненно является общественным фактом, поэтому для её исследования требуются социологические катего-

ри и, такие, как «книга в обществе», «общественная функция книги» и др. Обширная научная проблематика, заключённая в понятии «книга и общество», подсказала многим авторам строить отдельную (относительно самостоятельную) исследовательскую дисциплину «социология книги» (или «библиосоциология»), представителями которой являются, например, Дмитрий Балика [1], в Польше Ян Мушковский (Jan Muszkowski) [24].

На разных этапах развития мировой библиологии с библиосоциологией были связаны такие направления как «психология книги» («библиопсихология») и «педагогика книги» («библиопедагогика»), для которых самыми важными исследовательскими вопросами являются соотношение «книга – личность», а также воспитательные и образовательные функции книги.

Из этого направления сложилась функциональная концепция книговедения, основным принципом которой является трактовка книги (и универсума книг) не только как исторического и общественного факта, но также как коммуникационного акта. Сущность функционального подхода заключается в том, что книга и все книжные ресурсы рассматриваются в историческом и современном аспектах как постоянный процесс интересубъективной и общественной коммуникации, как действительная и потенциальная реализация разнообразных функций книги. Функциональная парадигма (функциональная школа) в книговедении обратила особое

внимание на свойства книги как средства закрепления языковой и визуальной информации, а также как инструмента коммуникации [14; 15].

С течением времени, благодаря развитию информационно-коммуникационных наук, появились информационные и коммуникационные модели науки о книге, которые значительно обогатили арсенал книговедческих понятий, методов и содержания исследований [2]. Большое значение в этой связи имеют теоретические концепции Поля Отле и Роберта Эстиваля. П. Отле отождествлял библиологию с документологией, понимаемой как большая универсальная наука, объектом которой являются любые документы и их функционирование. Документированное бытие («l'être documenté») как предмет библиологии представляет интерес и для всех других наук, итоги которых имеют вид (характер) «документов» (книг, журналов, разнообразных «scripta» [писем]) [22; 25]. Эстиваль предложил целостную концепцию новой парадигмы книговедения, ставшего, по его мнению, наукой о письменности [точнее, о том, что записано] и о письменной коммуникации («la science de l'écrit et de la communication écrite») [11; 12; 13].

Но и эти парадигмы не явились последней фазой развития и накопления потенциала науки о книге, потому что многосторонние связи книги с человеческой культурой не вмещаются в рамки информационных и коммуникационных процессов.

Недостатков и ограниченности рассмотренных подходов лишена, как представляется, концепция «книжной культуры» [4; 5; 28]. Понятие «книжная культура» вмещает в себя все материальные и духовные аспекты книги и мира книг, она позволяет описать с точки зрения человеческой культуры единичную книгу и её составные части, а также объяснить собрания книг (такие, как издательский репертуар, книготорговый ассортимент, библиотечная коллекция, список книг для чтения, даже весь книжный универсум), даёт возможность углублённо исследовать и оценить книжные традиции и наследие, универсализм и полифункциональность книги. Применение категории «книжная культура» позволяет интегрированно исследовать мир книг как своего рода целостную систему. Современное книговедение исходит из положения, что формирование индивидуальной и общественной книжной культуры происходит с учётом исторической эпохи, государственных границ, народа, социальной группы и т.д., под влиянием многих факторов культурной, политической, религиозной, экономической жизни общества.

«Книжная культура» как важная и даже главная исследовательская категория в современной библиологии принята в международной литературе по гуманитарным и общественным наукам и используется наряду с такими производными и родственными понятиями, как «куль-

тура письма» и «письменная культура» (нем. *Schriftkultur*, англ. *script culture* – главным образом в истории средних веков и в социолингвистике), «культура печати» (англ. *print culture*) и «типографская культура» (нем. *typographische Kultur*), «издательская культура», «библиографическая культура» (напр., в историографии литературы), «библиотечная и читательская культура» (в истории культуры, но также в книговедении, социологии, науке о литературе).

В заключение следует отметить, что новейшая концепция, представляющая собой современную парадигму книговедения, появившаяся через двести лет после Габриэля Пенью, так же, как и исследование книжной культуры в целом, во многом исходит из его представлений, хотя сегодня мы уже не считаем, что «библиология охватывает универсум человеческих знаний» («*la Bibliologie, embrassant l'universalité des connaissances humaines...*») [26, 1, VIII]. (Один из современных французских авторов называет это определение «красивой энциклопедической иллюзией» («*une belle illusion encyclopédique*») [29].)

Современное книговедение, считая объектом своих исследований всю книжную культуру, наряду с другими науками поднялось на качественно более высокий уровень, преумножая знания и этим обогащая изучение человеческого мира.

ССЫЛКИ

1. БАЛИКА, Дмитрий Андреевич. Библиологическая социология. Определение, предмет, методы. *Советская библиография*, 1933, вып. 1–3, с. 39–69.
2. БАРЕНБАУМ, Иосиф Евсеевич. Информационно-коммуникативные науки в свете эволюции средств информации и коммуникации. *Книга*, 61, с. 31–47.
3. БОДНАРСКИЙ, Б.С. Роль А.М. Ловягина в науках о книге. *Книга*, 47, с. 159–169.
4. ВАСИЛЬЕВ, Владимир И. *История книжной культуры*. Теоретико-методологические аспекты. Москва, 2004.
5. ДОВНАР, Лариса И. Книжная культура как философско-культурологическая категория библиологии (к постановке проблемы). In: *Наука о книге*. Традиции и инновации. Материалы двенадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения. Ч. 1. Москва: Наука 2009 с. 462–465.
6. ЛЕЛИКОВА, Наталия Константиновна. *Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века*. Санкт-Петербург, 2004. ISBN 5-8192-0190-6
7. ЛЕЛИКОВА, Наталия Константиновна. «Мой Бог – украинская книга независимо от направлений и партий...». (К 100-летию со дня рождения Льва Быковского). *Историко-библиографические исследования*. Вып. 6. Санкт-Петербург, 1996, с. 148–174.
8. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
9. МАТВЕЕВА, Ирина Германовна. А.М. Ловягин – создатель и президент Русского библиологического общества. *Историко-библиографические исследования*. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1992, с. 59–75.
10. МИГОНЬ, Кшиштоф. *Наука о книге*. Очерк проблематики. Москва: Книга, 1991.
11. ESTIVALS, Robert. *La Bibliologie*. Introduction historique à une science de l'écrit. T. 1: La Bibliométrie. Paris, 1978.
12. ESTIVALS, Robert. *La Bibliologie*. Paris: Presses Universitaires de France, 1987 (Que sai-je? 2374).
13. ESTIVALS, Robert. Bibliologie. In *Dictionnaire encyclopédique du Livre*. [T. 1]. Paris: Éditions du Cercle de la Librairie, 2002.
14. GŁOMBIEWSKI, Karol. O funkcjonalną koncepcję nauki o książce. *Studia o Książce*. 1970, vol. 1, p. 5–24.
15. GŁOMBIEWSKI, Karol. *Książka w procesie komunikacji społecznej*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1980.
16. GREETHAM, David C. *Textual scholarship*. An Introduction. New York; London: Garland Publishing, Inc., 1994 (Garland Reference Library of the Humanities, vol. 1417).
17. JANSSEN, Frans A. The first encyclopedia devoted to the world of books: Peignot's *Dictionnaire de bibliologie* of 1802. *Quaerendo*, 2006, vol. 36/1–2, p. 85–97.
18. KOREDCZUK, Bożena. *Początki teorii bibliologii*. "Dictionnaire raisonné de bibliologie" (1802–1804) Gabriela Etienne'a Peignota. Analiza i recepcja. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2005.
19. LELEWEL, Joachim. *Bibliograficznych ksiąg dwoje*. Wilno 1823–1826, t. 1–2.
20. MIGOŃ, Krzysztof. Leon Bykowski (1895–1992) – ukraiński bibliolog i polski bibliotekarz. *Roczniki Biblioteczne*, 2003, vol. 47, p. 155–168.
21. MIGOŃ, Krzysztof. Nowe modele i nowe osiągnięcia współczesnej historiografii książki. *Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej*, 1988, t. 38, s. 227–239.

22. MIGOŃ, Krzysztof. Paul Otlet o bibliologii, książki i dokumenty. In *Przestrzeń informacji i komunikacji społecznej*. Kraków, 2004, s. 370–376.

23. MIGOŃ, Krzysztof. *Z dziejów nauki o książce*. Wrocław: Ossolineum, 1979.

24. MUSZKOWSKI, Jan. Wstęp do socjologii książki. *Studia o Książce*, 1973, t. 3, p. 89–152.

25. OTLET, Paul. *Traité de documentation*. Le livre sur le livre. Théorie et pratique. Bruxelles, 1934 (reprint: Préface de R. Estivals, Avant-propos de A. Canonne. Liège 1989).

26. PEIGNOT, Gabriel. *Dictionnaire raisonné de bibliologie*. Paris, 1802–1804. T. 1–2; Suppl.

27. PIROŻYŃSKI, Jan. Nowe kierunki w zagranicznych badaniach nad dawną książką. *Historyka. Studia Metodologiczne*, 1996, t. 26, p. 71–87.

28. RAABE, Paul. Knygos kultūros reikšmė Europai. *Knygotyra*, 2002, t. 39, p. 84–96.

29. SANGSUE, Daniel. Démesures du livre. *Romantisme*, 1990, no. 69, p. 49.

30. VRTEL-WIERCZYŃSKI, Stefan. *Teoria bibliografii w zarysie*. Wrocław, 1951.

31. ŻBIKOWSKA-MIGOŃ, Anna. *Historia książki w XVIII wieku*. Początki bibliologii. Wrocław, 1989 (dt. *Anfänge buchwissenschaftlicher Forschung in Europa*. Dargestellt am Beispiel der Buchgeschichtsschreibung des 18. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1994).

PARADIGMS IN BOOK SCIENCE: 200 YEARS AGO AND TODAY

KRZYSZTOF MIGOŃ

Abstract

The key categories of book science (bibliology) changed through time, along with the evolution of science and according to different research perspectives present in different periods and pursued by different schools. Historical approach in book science has to be considered first, because of both for chronological reasons and its significance. Bibliology, usually called ‘bibliography’ at that time, was born as a historical science (Joachim Lelewel, 1786–1861, was one of its representatives) and has continued to be such, even if its scope now is far wider than of a science auxiliary to history. Historical school is closely related to philological school. For the latter, the importance of the book world resides in its ability to sustain language and writing.

However, the book is a social phenomenon,

too. Therefore, in book science itself as well as in other human and social sciences, research categories such as ‘book in society’ and ‘social function of book’ have proved useful. The wide scope of the ‘book and society’ formula has prompted many authors to distinguish an autonomous scientific discipline of ‘book sociology’ (bibliosociology). At different stages of evolution, global book science was accompanied by ‘book psychology’ (bibliopsychology) and ‘book pedagogy’. Within these, bibliological issues were considered in the context of relationships between books and humans and the educational functions of books.

One of the most influential concepts in the last few decades, the so-called functional book science (Karol Głombowski, 1970), has its roots in sociological approach. Its essence is a

simultaneous, dual consideration of the book and the book world. They are not only historical and social facts, but also manifestations of a perpetual process of interpersonal and societal communication and of fulfilling the role of book, whether potential or real. The functional concept in book science corresponds with information and communication theories which have allowed to focus on book characteristics as a means of recording information and as communication tools more than before.

Here, the most important are theoretical constructs of Paul Otlet (1934) and Robert Estivals (1987). For Otlet, bibliology is identical with documentology understood as a broad universal science focused on any documents and their functioning. A 'documented being' („l'être documenté") as a subject of bibliology is decisive for its importance for any other sciences, within which 'documents' are produced (e.g. books, periodicals, various 'scripta'). Estivals, in turn, paved the way for considering bibliology as a science about written communication („la science de la communication écrite").

Over time, the cultural perspective in bibliological research regained importance and appreciation. Indeed, at least since the end of the 19th century, in humanistic literature of many countries, notions such as book, printing, library, or readership were intimately related to word 'culture'. The significance of the 'book culture' notion for establishing the identity of book science relates to its potential to bring together all material and spiritual aspects of a book and its usefulness for both historical bibliography and description of the contemporary book world.

A confirmation of the usefulness of 'book culture' as of the central paradigm of modern bibliology is provided by the emergence of many related notions in international humanistic writing. Thus, we have 'script culture', 'print culture', 'typographic culture', 'publishing culture', 'bibliographic culture' (including historiography of literature), 'library culture' and 'reading culture'. The latter two are typically present in the history of culture, but also in bibliography, sociology, and literature science.

MOKSLO APIE KNYGĄ PARADIGMOS: PRIŠ DU ŠIMTUS METŲ IR DABAR

KRZYSZTOF MIGOŃ

Santrauka

Knygotyros (bibliologijos) pagrindinės kategorijos keitėsi bėgant laikui kartu su mokslo evoliucija ir pagal įvairiais laikotarpiais skirtingoms mokykloms būdingas tyrimo perspektyvas. Dėl chronologijos ir reikšmingumo pirmąją knygotyroje laikoma istorinė žiūra. Bibliologija, tuo laiku dažniausiai vadinta bibliografija, gimė kaip istorijos mokslas (Joachimas Lelewelis, vienas jo atstovų) ir toliau tokia yra, nors šiuo metu jos apimtis kur kas platesnė negu pagalbinės isto-

rijos disciplinos. Istorinė mokykla labai artimai susijusi su filologijos mokykla. Pastarajai knygos reikšmė yra jos gebėjimas išlaikyti kalbą ir raštą.

Tačiau knyga yra ir visuomeninis reiškiny. Todėl knygotyroje, kaip ir kituose humanitariniuose ir socialiniuose moksluose, sėkmingai naudojamos tokios tyrimo sąvokos kaip *knyga visuomenėje* ir *socialinės knygos funkcijos*. Plati formulės *knyga ir visuomenė* aprėptis daugeliui autorių leido išskirti tokią nepriklausomą moks-

linę discipliną kaip knygos sociologija (bibliosociologija). Skirtingais raidos etapais pasaulinėje knygotyroje atsirado knygos psichologijos (bibliopsichologijos) ir knygos pedagogikos dalys. Jose bibliologinės problemos svarstomos atsižvelgiant į knygos ir žmonių santykius bei edukacines knygos funkcijas.

Viena iš įtakingiausių pastarųjų dešimtmečių koncepcijų, vadinamoji funkcinė knygotyra (Karol Głombowski, 1970), išaugo iš sociologinio pamato. Jos esmė ta, kad tuo pat metu atsižvelgiama į du veiksnius – knygą ir knygos pasaulį. Jie suvokiami ne tik kaip istoriniai ar socialiniai faktai, bet ir kaip nuolatinio tarpasmeninės ir visuomeninės komunikacijos proceso raiška, kaip knygos potencialaus ar realaus vaidmens įgyvendinimas. Funkcinė koncepcija knygotyroje sutampa su informacijos ir komunikacijos teorijomis, kurios labiau negu kada nors anksčiau leido sutelkti dėmesį į knygos kaip informacijos įrašymo priemonės ir komunikacijos įrankio požymius.

Šiuo atveju svarbiausi yra Paulio Otlet (1934) ir Robert'o Estivals'o (1987) teoriniai konstruktai. P. Otlet bibliologiją tapatina su dokumentotyra, suvokdamas ją kaip platų universalų mokslą, tiriantį bet kokius dokumentus ir jų funkcionavimą. Bibliologijos dalykas – *do-*

kumentuota esybė („l'être documenté“) – turi lemiamos reikšmės visiems kitiems mokslams, nagrinėjantiems dokumentus (pavyzdžiui, knygas, periodinius leidinius, visokius *scripta*). R. Estivals savo ruožtu pagrindė kelią bibliologijai kaip mokslui apie rašytinę komunikaciją (*la science de la communication écrite*) suprasti.

Ilgainiui bibliologijos tyrimų kultūrinis aspektas susigrąžino svarbą ir vertę. Išties nuo XIX a. pabaigos daugelio šalių humanitarinėje literatūroje knygos, spaudos, bibliotekos, skaitybos sąvokos buvo neatsiejamos nuo žodžio *kultūra*. Knygos kultūros sąvokos reikšmė nustatant knygotyros tapatybę siejama su jos potencialu sujungti visus materialius ir dvasinius knygos aspektus, jos naudingumu ir istorinei bibliologijai, ir šiuolaikinio knygos pasaulio apibūdinimui.

Knygos kultūros kaip pagrindinės šiuolaikinės bibliologijos paradigmos naudingumą patvirtina daugybės giminingų sąvokų atsiradimas tarptautiniuose humanitarų veikaluose. Juose randame tokias sąvokas kaip rašto kultūra, spaudos kultūra, poligrafijos kultūra, leidybos kultūra, bibliografijos kultūra (įskaitant literatūros istoriografiją), bibliotekų kultūra ir skaitymo kultūra. Pastarosios dvi sąvokos paprastai vartojamos kultūros istorijoje, bet jos pasitaiko ir bibliologijoje, sociologijoje bei literatūros moksle.

Įteikta 2010 m. sausio mėn.